

Амелия Эрхарт

СЧАСТЬЕ ЛЕТАТЬ



Впервые
на русском!

СТВО * АЗБУКА *

Амелия Эрхарт
Счастье летать

«Азбука»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Эрхарт А.

Счастье летать / А. Эрхарт — «Азбука»,

ISBN 978-5-389-32912-6

Впервые на русском! Книга Амелии Эрхарт «Счастье летать» – одновременно мемуары и вдохновляющий манифест. Это история о пути в профессию легендарной летчицы героической эпохи авиации, первой женщины-пилота, перелетевшей Атлантический океан, популяризатора авиационных профессий среди женщин, одинаково решительно бросавшей вызов высоте, расстояниям и условностям общества. «Вполне естественно, что не все идет гладко, когда дикой птицей отправляешься в неведомые края и сажаешь машину в непроверенных местах. Но счастье, которое дарят эти странствия, искупает все неудобства...» – писала Амелия Эрхарт, которая всегда просто делала то, что любила больше всего на свете, но ее популярности впору было позавидовать кинозвездам. «Счастье летать» – классика, которой скоро исполнится сто лет, но об этом мгновенно забываешь, захваченный обаянием личности автора и искрящейся легкостью повествования. Эта книга – послание о мужестве, настойчивости и радости от следования своему призванию, о самосовершенствовании, о счастье открывать новое и восторге от возможности идти собственным путем.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32912-6

© Эрхарт А.

© Азбука

Содержание

Кочевое детство	9
Мое знакомство с авиацией	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Амелия Эрхарт Счастье летать

Amelia Earhart
THE FUN OF IT

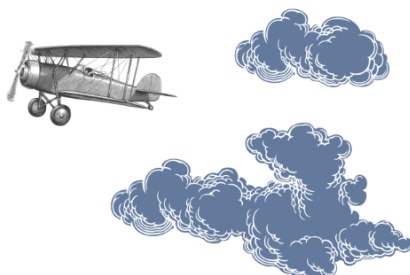
© А. С. Лисицына, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *



Амелия Эрхарт

СЧАСТЬЕ ЛЕТАТЬ

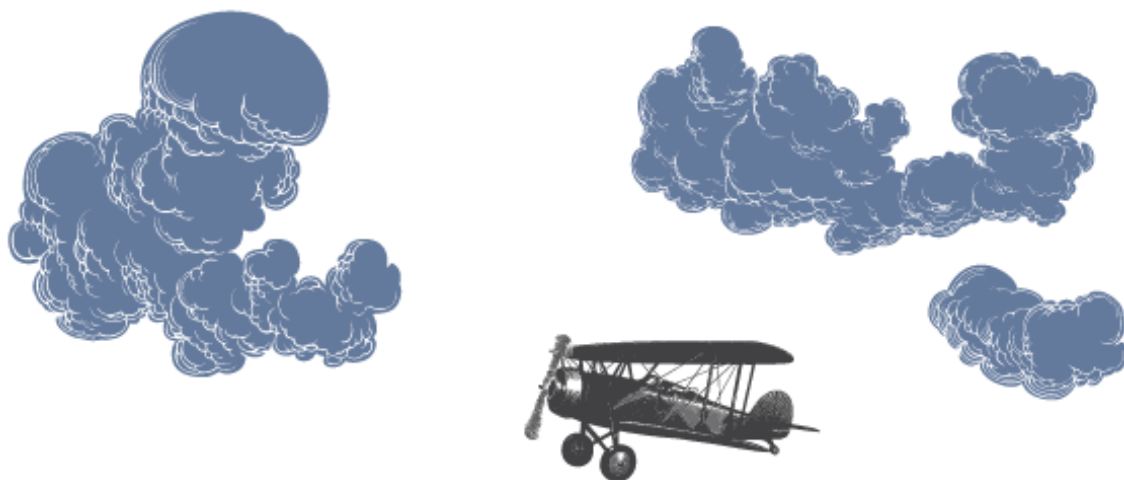


АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Посвящается участницам клуба «Девяносто девять»

Кочевое детство



Когда меня начинают расспрашивать о моих занятиях авиацией, можно не сомневаться, что рано или поздно прозвучит непременно: «Ну и, конечно, в детстве ты обожала возиться со всякой техникой?» Откровенно говоря, не слишком, хотя мастерить разные штуки мне и правда нравилось. Как-то раз я соорудила ловушку для соседских кур, которые повадились ходить к нам на участок. Вообще, росла я как самая обыкновенная американская девчонка, с типичными по тем временам интересами и забавами.

И все-таки, оглядываясь назад, я замечаю в тогдашней своей жизни некоторые штрихи, которые, вероятно, сказались в моем увлечении авиацией ничуть не меньше, чем любовь к механическим поделкам. Стоит прежде всего сказать, что мой отец работал в железнодорожных компаниях; мы постоянно куда-то ездили, и меня завораживало это ни с чем не сравнимое ощущение новизны. Вдобавок во мне рано проснулась страсть к всевозможным видам спорта и подвижным играм – даже тем, которые считались слишком опасными и сугубо «мальчишескими». А еще, сколько себя помню, во мне жила тяга к эксперименту – хотя, возможно, это непосредственно связано с упомянутым выше: вечно мне хотелось попробовать что-нибудь новенькое. Все эти особенности пунктиром проходили через мои юные годы до встречи с миром авиации.

Но начну с начала.

Мы с сестрой всегда заслушивались маминими рассказами о ее детстве. От них веяло какой-то далекой, загадочной стариной: это приключилось «тысячу лет назад, когда мама была маленькой», говаривали мы. И вот теперь, когда я решила набросать очерк своей собственной жизни, это ребяческое выражение, по-моему, как нельзя лучше подойдет для зачина.

Итак, я появилась на свет тысячу лет назад в городке Атчисон, штат Канзас. Дом принадлежал моим бабушке и дедушке с материнской стороны. Родители в ту пору бывали там только наездами. Что касается дедушки, то он в свое время занимал пост судьи окружного суда и другие солидные должности, но к моменту моего рождения давно отошел от дел. Бабушка Амелия, в честь которой меня и назвали, происходила из семьи квакеров и до Гражданской войны жила в Филадельфии. Ее отчий дом с видом на старинную церковь Христа стоит там по сей день. Мне кажется, на Среднем Западе она по-настоящему так никогда и не освоилась:

в ее речах нет-нет да и проскальзывали намеки на то, что Атчисон ее родине и в подметки не годится (утверждение это, конечно, так и осталось недоказанным).

В Канзас она приехала, когда это еще был дикий, необжитой край. Только-только построили железную дорогу. Вдоль полотна штабелями громоздились бизоньи кости. В городе тут и там попадались закутанные в одеяла индейцы, которые, как рассказывала бабушка, толпой обступали ее, когда она ходила за покупками на рынок. Они снимали крышку с ее корзинки, заглядывали внутрь, шупали материю ее платья. Природное любопытство беззлых туземцев она – тогда молодая домохозяйка – принимала за угрозу и всякий раз не на шутку пугалась.

Ко времени моего детства индейцев в городе и окрестностях уже не осталось, хотя я упорно не оставляла надежды их увидеть. Их кормильцы – бизоны, тоже канули без следа (если не считать таковым полусгнившую накидку из шкуры этого животного, на которую я наткнулась как-то в амбаре). Канзас лишился своего мохнатого своеобразия.

Скажу еще о бабушке и дедушке по папиной линии. Оба пенсильванцы. Дед был лютеранским пастором. Я смутно помню его высокую худошавую фигуру и тонкие, изящные руки. Бабушку я не застала.

Начальное образование я получила в частной подготовительной школе в Атчисоне. На зиму меня отдавали бабушке Амелии. Учтывая, что ребенком я наверняка была несносным, даже не представляю, как она меня терпела – пусть и всего несколько месяцев в год. Ходить в школу мне, подобно многим несносным детям, нравилось, правда среди учительских любимчиков я никогда не числилась. Уже в раннем возрасте я приохотилась к книгам: возможно, благодаря этому взрослые как-то мирились с иными моими причудами. У нас была отличная домашняя библиотека, и, едва выучившись читать, я стала проводить массу времени наедине с собой, никому не мешая. Вальтер Скотт, Диккенс, Джордж Элиот, Теккерей, старые детские журналы *Harper's Young People* и *The Youth's Companion*, на которых воспитывались еще мои родители, – ничто не укрывалось от моих цепких глаз и рук, даже совсем допотопные книжки вроде историй о путешествиях доктора Синтакса. На полках не было свободного места. Встречалась там и специфическая «литература для юношества» полувековой давности: все эти повестушки о пай-мальчиках и девочках, неизменно торжествующих над нерадивыми сверстниками.

Сегодня я если и перечитываю что-то из тогдашнего, то обычно бываю разочарована. В книгах ли дело или во мне самой – не знаю. Наверное, мои чувства сродни тому, что испытывает пожилой господин, когда после многолетнего отсутствия возвращается на родину и решает отведать «ту самую» черешню – упоительное лакомство своего детства. На поверку, конечно, оказывается, что она ничуть не вкуснее любой другой, испробованной им на чужбине. Эта истина ясна всякому, кто разменял четвертый десяток. Не хочу, впрочем, сказать, что ради постижения столь нехитрой мудрости надо спешить поскорее перешагнуть этот рубеж.

С книгами я не расставалась. Глотала одну за другой; к тому же мама постоянно читала нам с сестрой вслух. Это настолько вошло у нас в привычку, что, когда наставала пора садиться за уроки, мы делали их по очереди: одна корпела над тетрадками, а вторая отвечала за чтение вслух.

Ребенком я думала, что папа уж точно читал все книги на свете, а стало быть, всё на свете знает. Настоящий ходячий словарь, он мог дать определение самого каверзного слова и посрамлял все наши попытки поставить его в тупик. У меня до сих пор хранится папино письмо ко мне, которое начинается обращением: «Милый мой параллелепипед!» Помню, тут же побежала искать, что значит мудреный термин.

Был у папы и другой талант: он совершенно уморительно читал вслух вещи вроде «Записок Пиквикского клуба». А еще придумывал разные истории с продолжением, которыми развлекал нас не одну неделю, – в основном о приключениях на Диком Западе, причем главным их героем неизменно становился он сам. В таком примерно духе:

Глава девятнадцатая...

Вдруг из-за пригорка раздался выстрел. Мой товарищ встал с кольцом на изготовку.

– Мы окружены, – сказал он.

– Взгляни-ка туда, на дорогу! – крикнул я. – Люди шерифа уже близко.

Надо продержаться до их прихода.

Тут прогремел еще один выстрел, и я повалился на землю.

– Они подстрелили меня, дружище, – простонал я.

Несколько испуганных «ах» в аудитории.

– Мистер Эрхарт, они и правда вас убили?

– А то! – серьезно отвечал отец. – Но я протянул еще несколько минут. Успел перед смертью узнать, придет ли отряд шерифа на выручку моим товарищам. Но об этом в следующей главе.

Отец то погибал от пули, то лишался руки или ноги, чем приводил в замешательство бесхитростную соседскую детвору.

Иногда по выходным он разыгрывал эти вестерны вживую, приглашая всех желающих присоединиться. Себе папа отводил роль индейского вождя или главного следопыта. Начинались бесконечно увлекательные сражения и перестрелки. После одной такой лихой погони у отца на всю жизнь осталась на носу отметина: по «сценарию» он преследовал одного из соседских ребят, и тот в горячке попытался закрыть раздвижную амбарную дверь как раз в тот момент, когда «вождь» просунул голову в щель.

Других амбаров, кроме этого, стоявшего на нашем участке в Де-Мойне, и амбара моей бабушки, мне видеть не доводилось. Но для городского ребенка даже это было редкостным везением.

Увы, в те годы многие из моих любимых занятий считались «неподобающими» для девочки. Сидеть с книжкой никто не запрещал, но на физическую активность смотрели косо. А я увлекалась теннисом и баскетболом, гоняла на велосипеде, бросалась играть в любые подвижные игры на открытом воздухе. К сожалению, никто не объяснял мне, как делать это правильно, потому уровень мой так и остался глубоко любительским. Тогда еще не стало нормой учить подростков грамотно заниматься физкультурой. А ведь все это доставляло мне такое удовольствие! При наличии хорошего наставника из меня могла бы получиться куда более ловкая и умелая спортсменка. Я же просто весело проводила время – и в итоге усваивала ошибочные навыки.

Расскажу для примера о своем опыте верховой езды. Соседи держали жеребца, которого мы с сестрой подкармливали рафинадом и другими сладостями. Забраться на него мы не могли, слишком уж он был высокий и гладкий. Но меня одолевало желание покататься на живой лошади, и вот однажды, когда перед нашим домом остановился упитанный тяжеловоз со своей поклажей, я не устояла против соблазна вскарабкаться ему на спину. Ступила на бортик тротуара, затем на оглоблю, и так залезла. Потом, правда, кому-то пришлось меня снимать, но я с тех пор спала и видела, как бы повторить это приключение. Мечта сбылась благодаря знакомству с двумя девочками, чей отец был хозяином мясной лавки. Иногда, в отсутствие срочных заказов, они разрешали мне покататься на рабочих лошадях, служивших для развозки. Животные были в летах и не очень-то годились для спортивных целей. И только один толстоногий гнедой явно не забыл проказ своей молодости: с изумительным упорством он без всякой видимой причины брыкался и хорошенько меня подбрасывал. Я была вне себя от восторга.

Бабушка этих моих стремлений не одобряла. Ума не приложу почему. Мама ведь в юности была знатной наездницей. Но, наверное, бабушке это стоило слишком многих седых волос и нервных клеток. Напрасно я твердила, что в амбаре пропадает куча места (занято было только

одно стойло, где квартировала буянистая черно-белая корова). Мне дали понять, что если я люблю животных, то лучше ограничиться общением с двумя очень покладистыми – чугунными – собаками в палисаднике.

Летом мы, как принято у жителей Среднего Запада, отправлялись куда-нибудь на озеро. В нашем случае – в Миннесоту. Именно там произошла моя встреча с еще одной лошадью. То был индейский пони, лет двенадцати, но вполне бойкий. Стоило подкупить его печеньем, и он делался как шелковый. Седла, правда, не было, так что наше с сестрой «катание» нередко превращалось в обычную пешую прогулку. Однажды сестренка зацепилась за яблоню и упала с крупа – шрамы у нее остались до сих пор. Только годы спустя, начав брать нормальные уроки верховой езды, я поняла, до чего неправильно мы тогда всё делали.

Физическому воспитанию мальчиков по сей день уделяется несопоставимо больше внимания. Они могут в свое удовольствие заниматься самыми разными видами спорта и посещать секции, куда доступ большинству их сверстниц заказан. Подчас это попросту отбивает у школьников тягу к физкультуре, а если такое желание и остается, реализовать его бывает затруднительно. Лишь с поступлением в университет у девушек появляется возможность полноценно участвовать в спортивной жизни.

Дело тут, конечно, не только в том, что девочки не получают толковой спортивной подготовки и не имеют необходимых условий для тренировок. Помехой служит и сама одежда: юбки и каблуки (а куда без них взрослеющей леди?) изрядно стесняют свободу движений. Да и с точки зрения прочности женские наряды заметно уступают мужским, так что барышням приходится постоянно следить, как бы их не порвать.

Не меньше, чем неудобная одежда, сковывают нас консервативные взгляды. Общество привыкло с подозрением относиться к любой девушке, которая решается попробовать что-нибудь новое или необычное (стереотип, унаследованный от эпохи, когда женщин считали существами безнадежно ущербными). Но действительно ли «слабый пол» физически непригоден к спорту? Время покажет. Похоже, что, несмотря на прогнозы скептиков, теннис, гольф, верховая езда и многие другие дисциплины вовсе не опасны для женского организма – конечно, при должном уровне подготовки.

Когда я неслась из школы домой и влетала на участок, перепрыгивая через забор, бабушка не могла смотреть на это спокойно. «Ты даже не представляешь... – сказала она мне как-то раз. – Ведь я в твои годы разве что обруч по дорожкам катала. Какие уж там спортивные игры!»

Мне стало неловко за свои манеры, и несколько дней кряду я исправно ходила кругом – через калитку. Будь я мальчишкой, мои ухватки, скорее всего, ни встретили бы никаких возражений. Я не утверждаю, что девочки чуть не с пеленок должны бегать на тренировки. Но если бы их вовремя учили владеть своим телом, то физическая активность доставляла бы им больше радости и они могли бы заниматься спортом, не рискуя навредить себе и не шокируя старшее поколение.

Спору нет, старшие пекутся о нашем общем благе и порой просто не могут не возмутиться замашками молодежи. Только вот самой молодежи в таком случае приходится несладко. Говорю это со знанием дела. Вышло так, что мы с сестрой стали первыми в городе обладательницами тренировочных костюмов. Надевали мы свои обновки по выходным, когда шли играть на улицу, и казались себе жутко «спортивными» и «раскрепощенными», – и вместе с тем нас не оставляло чувство, что на фоне девчушек, порхающих вокруг в своих юбочках и платьицах, мы выглядим какими-то «не такими». Человеку, плохо знакомому с женской модой двадцатипятилетней давности, не понять, сколь рискованным и вызывающим было наше поведение.

Девочкам ведь не полагалось разгуливать в штанах. Неприличным считалось также кататься на санках, лежа на животе. Вспоминая теперь все эти нелепицы, я ощущаю себя

каким-то динозавром. А между прочим, предосудительный метод катания, неподобающий юной леди, однажды практически спас мне жизнь.

Я летела по крутому ледяному склону, как вдруг с боковой дороги мне наперерез выскочила тележка старьевщика, которую тянула лошадь с громадными шорами. Свернуть я не могла, слишком уж скользкая была горка. Я закричала что есть мочи, но возница не услышал. Через мгновение – я не успела даже опомниться – санки проскочили под брюхом лошади и помчали меня дальше. А ведь катайся я сидя, столкновения было бы не избежать, и тогда – одно из двух: пострадали бы либо моя голова, либо лошадиные ребра (скорее второе).

Приблизительно к этому времени относится мое письмо к отцу, в котором я просила о рождественском подарке для нас с сестрой. Звучало оно примерно так:

Милый папочка!

В этом году нам с Мюриэл очень хотелось бы получить футбольные мячи. Ну пожалуйста! Они очень нам нужны, а бейсбольных мячей и бит у нас уже достаточно...

Скоро подоспело Рождество, а с ним и желанные мячи. Помимо них, сестра с гордостью вытащила из-под елки небольшую игрушечную винтовку 22-го калибра: сама выклянчила ее у родителей. Вот только вволю насладиться своими трофеями мы не могли. Трудно от души резвиться, когда понимаешь, что взрослые, которых любишь больше всего на свете, твоих забав не одобряют.

А с винтовкой вышло так. Пару дней мы развлекались стрельбой по бутылкам, расставленным на заборе в конце участка, а потом игрушка загадочным образом исчезла. Некоторое время спустя ее извлекли из неведомого тайника со словами, что маленьким девочкам негоже направо и налево палить из ружья, – чем нам и объяснили произведенную конфискацию.

Получив свое имущество назад, сестра нашла ему новое применение: стала отстреливать крыс в одном на редкость густонаселенном сарае. На более крупную дичь ни она, ни я в жизни не покушались.

Хотя, если подумать, кое-какими успехами по этой части я все же отметилась в шестилетнем возрасте. Даже ловушку сама смастерила. Приспособила для этого пустой ящик из-под апельсинов, с откидной крышкой. Ящик клался набок, а крышка торчала сверху вроде козырька и подпиралась палкой. К крышке была привязана длинная веревка, второй конец которой я сжимала в руке, притаившись за деревом. Стоило мне потянуть за веревку, как палка отлетала в сторону и крышка захлопывалась, причем благодаря заботливо прилаженным толстым резинкам отлично держалась в таком состоянии.

Какую же добычу я подкарауливала в своей засаде? Самых обыкновенных кур. (Мы с сестрой на своем выдуманном языке называли их «колобрушками».)

Соседские куры, видите ли, завели привычку соваться к нам на участок и топтать нашу лучшую клумбу. Родительские протесты успеха не возымели, и тогда я решила взять дело в свои руки и по очереди изловить преступниц. Насыпав вокруг и внутри своего капкана хлебных крошек, я благополучно заманила туда одну заблудшую особь. Сколько же было кудахтанья, сколько пуха и перьев, когда ошарашенная птица затрепыхалась в клетке! Мне было жутко и весело одновременно. Не это ли чувствует матерый охотник, когда ему удастся заарканить бешено несущегося слона?

Я рванула в дом.

– Мама, мама! Я поймала одну из этих негодных кур! – задыхаясь, выпалила я. – Что мы с ней сделаем?

– Странный вопрос, – ответила мама, выслушав рассказ о моем подвиге. – Отдадим хозяевам, конечно. Ты же понимаешь, оставить ее себе – все равно что украть.

Какой удар! Так бесславно окончилась моя дерзкая операция, оставив по себе лишь счастливые воспоминания.

Жили мы, пока я училась в начальной школе, в основном в Атчисоне. Золотые деньки! Мы не только набирались уму-разуму за партами, но и без конца во что-то играли, ездили на пикники, устраивали битвы грязевыми снарядами и походы вдоль обрывистых уступов над долиной Миссури. С особым азартом обследовали мы немногочисленные пещеры в тамошних песчаниковых скалах, и не было для нас ничего увлекательнее этих экспедиций.

Однажды наш бравый маленький отряд встал перед проблемой: как застолбить за собой особо ценные пещеры и оградить их от посторонних?

– Давайте повесим табличку с отпугивающей надписью, – предложил кто-то.

– Ага. «Не влезай, убьет!» Достаточно устрашающе, по-моему.

– А как это пишется?

– «Не в-л-и-з-а-й».

– Не-е. Мне кажется, «в-л-е-з-а-й».

– Почему? Ведь проверочное слово – «л-и-з-а-ть»!

– Слушайте, давайте в одних местах напишем так, а в других этак, – нашелся среди нас арбитр.

Могу себе представить, до чего зловеще выглядели эти таблички!

Необычайной притягательностью обладала для нас и сама река. В ее желтоватых глубинах бурлили могучие, грозные водовороты. Капризная стихия методично подтачивала береговые склоны. Правда, вплотную к берегу мы ни разу не подходили, но некоторые из нашей компании смутно помнили паводок 1903 года: вода тогда поднялась до самых крыш, снесла несколько мостов и разлилась по низинам, насколько хватало глаз.

Одна из самых захватывающих игр нашего собственного изобретения называлась «Экипаж». Мы устраивались в бабушкином амбаре и совершали воображаемые путешествия на отслужившей свое старенькой повозке. Большой удачей было, что по соседству жили двое закадычных друзей, которые вечно фонтанировали идеями и с радостью включались в игру. Вместе мы колесили по городам и весям и переживали самые невероятные приключения, даже не выходя на улицу.

Лошади вяло трусили по дороге, утомленные суточным переходом...

– Разве не пора нам уже прибыть в следующий город? – небрежно вопрошает один из пассажиров.

– Если с пути не сбились, к ночи доберемся, – угрюмо отвечает возница.

(Все делают вид, что старательно изучают окружающий ландшафт.)

– Надо свериться с картой. Что-то я не узнаю этих мест, – услужливо раздается с левого заднего сиденья.

– И я тоже таких болот не припомню, – подхватывают с переднего. – Да и жилья вокруг не видать. Как бы нам не попасть в беду...

– Смотрите! ЧТО ЭТО ТАМ ВПЕРЕДИ?!

Бог весть какие кошмары нам мерещились. Одно знаю наверняка: никакие ужасы реальной действительности не способны напугать меня так, как пугали тогда порождения детской фантазии – недобрые тени, призрачно таившиеся в темных углах сеновала или норовившие подкрасться к нам по скрипучей лестнице из хлева.

Еще мы с ребятами сложили во дворе кирпичную печку и по выходным не упускали случая приготовить что-нибудь вкусенькое. Фирменным нашим блюдом, как сейчас помню, была глазунья. С крылечка то одного, то другого дома родные подкидывали нам идеи по составлению меню. Всерьез кулинария меня тогда не прельщала, а вот кашеварить в игровой форме

было интересно, и, пожалуй, именно отсюда проистекают более поздние мои поварские эксперименты.

Заключались они в попытке изобретения новых рецептов. Не щадя терпения хозяйничавших на кухне женщин, я самозабвенно колдовала над варевом из каких-нибудь кукурузных листьев или стручков гороха, мечтая сотворить что-нибудь оригинальное и притом съедобное.

В последующие годы мне довелось узнать, что подобные ингредиенты отнюдь не столь экзотичны. Оказалось, самые разные дары природы, о которых я даже не подозревала, входят в повседневный рацион не одного, так другого народа.

Впрочем, один предмет моих гастрономических исканий все же был уникален. С раннего детства я регулярно посещала службы в епископальной церкви и училась в воскресной школе. И конечно, библейский рассказ о том, как Господь ниспослал сынам Израилевым манну небесную, произвел на меня неизгладимое впечатление. Отчетливо (как мне казалось) представляя себе вкусовые качества этого продукта, я извела порядочно времени, муки и сахара в потугах его воссоздать.

Стоит ли говорить, что из моих рук так и не вышло сколько-нибудь удобоваримого аналога Божественной пищи. Но я была твердо уверена, что выглядеть она должна как маленькие белые булочки, нечто среднее между воздушной сдобой и нежнейшим белковым бисквитом. Может статься, когда я уйду из авиации, то вернусь к этим опытам. Нужно только довести до ума состав теста – и колоссальный спрос обеспечен.

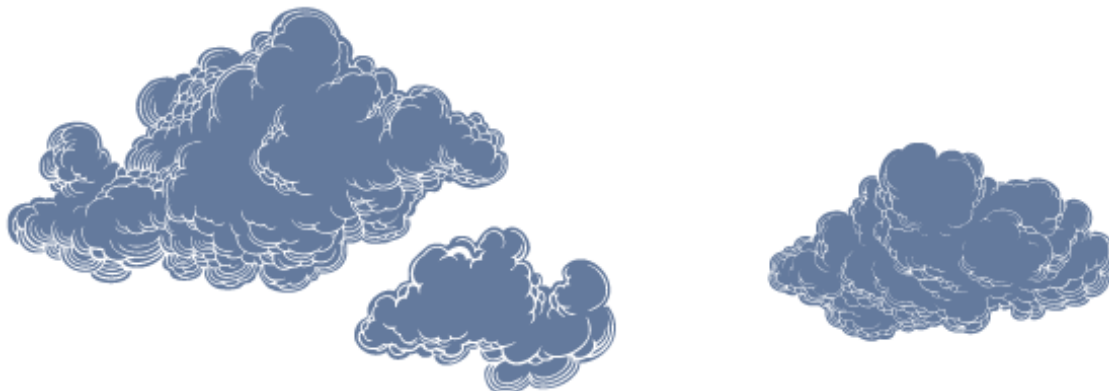
Школу мы любили, но когда на время очередной папиной командировки выдавалась передышка в занятиях, не скрывали ликования. Отец по большей части служил в разных железнодорожных компаниях и, если ему предстояла более-менее длительная поездка, брал с собой всю семью. Насколько я могу судить, эти периодические вылазки – то в Калифорнию, то куда-нибудь еще – никак особенно не отражались на нашей успеваемости. Думаю, путешествия дали мне не меньше, чем учеба. Целым приключением было ехать в персональном вагоне, куда ты мог пригласить друзей и разделить с ними радость дорожных впечатлений и угощений. Конечно, такой вагон нам выделяли далеко не всегда, но это случалось. Я и билет на поезд-то впервые купила только в шестнадцать лет, и до сих пор еще это кажется мне диким. Возможно, как раз усвоенные с детства вольные привычки способствовали тому, что я столь энергично включилась в развитие пассажирской авиации.

Пока отец работал в железнодорожных компаниях, мы часто переезжали из города в город: Канзас-Сити, Де-Мойн, Сент-Пол, Чикаго. Пусть мы и не обрастали прочными связями, зато учились быстро принаравливаться к новой обстановке. Я никогда не жила в одном и том же месте дольше четырех лет и поэтому, когда случайный знакомый говорит мне: «Мы с вами земляки», обязательно уточняю, что за населенный пункт он имеет в виду.

В старших классах я сменила по меньшей мере шесть разных школ, но умудрилась одолеть финальный этап среднего образования за положенные четыре года. Последней в этой череде стала чикагская школа «Гайд-парк». Там мне и выдали аттестат.

Мальчики ко мне, помнится, особого интереса не проявляли, но не сказать, чтобы меня это сильно расстраивало. Один минус: из-за дефицита постоянных кавалеров я не так активно занималась танцами, как мне бы того хотелось. Вообще, танцы, на мой взгляд, приятнейшее времяпрепровождение. Я большой их поклонник, и в числе самых дорогих моих реликвий – три нотных сборника, доставшихся моей бабушке, когда она была еще девочкой: популярные танцевальные мелодии тех лет и романсы.

Мое знакомство с авиацией



После выпуска из школы (где я чрезвычайно увлеклась химией и физикой) я сделала примерно годичный перерыв в учебе, а затем поступила в колледж Огонца под Филадельфией. На втором курсе во время рождественских каникул я поехала навестить сестру, которую приняли в колледж Сент-Маргарет в Торонто, – и там впервые поняла, что такое война. Вместо новенького обмундирования и духовых оркестров моим глазам предстали страшные плоды четырехлетнего мирового побоища: люди без рук и ног, парализованные, слепые.

Как-то раз навстречу мне попались четыре одноногих сразу. Я смотрела, как они друг за другом ковыляют по улице...

– Мам, я хочу остаться здесь и помогать в госпитале, – сказала я, вернувшись домой. – Не могу я теперь думать об учебе. Невыносимо осознавать, что я не приношу никакой пользы!

– В таком случае тебе придется бросить колледж, – ответила мама.

Мне было все равно. Я оставила мысль о продолжении образования и решила пойти в санитарки. Попыталась оформить через американский Красный Крест, но что-то не заладилось с документами. В итоге я несколько месяцев – до самого конца боевых действий – проработала в одном из военных госпиталей Торонто.

Круг обязанностей санитарок был практически неограничен: начиная от мытья полов и заканчивая игрой в теннис с выздоравливающими. Раненые ласково называли нас «сестричками», а мы сбивались с ног, стараясь никого не обделить вниманием.

– Сестричка, ты мне спину не почешешь? Нет сил моих уже валяться на этой койке.

Или:

– Не принесешь мне мороженого? Что-то рисового пудинга сегодня не хочется.

Дежурили мы с семи утра до семи вечера, с двухчасовым перерывом на обед. Чаще всего я была занята на кухне, где готовила еду для раненых с особым режимом питания, а позже меня допустили до работы в аптечном пункте, так как я немного разбиралась в химии. Хотя, вероятно, решающую роль тут сыграли не мои скромные познания, а то, что мне можно было без опасений доверить запасы медицинского спирта.

Когда до Торонто докатилась эпидемия гриппа, я вызвалась помогать. Меня одну из немногих отобрали для дежурств в ночную смену и перевели в отделение пневмонии. Задача моя состояла в том, чтобы обходить переполненные палаты и разливать из ведерок микстуру.

Примерно тогда же, в начале 1918 года, я впервые заинтересовалась авиацией. Раньше я видела парочку самолетов на окружных ярмарках, но теперь могла любоваться ими сколько душе угодно: вокруг города было несколько тренировочных аэродромов, где проходили подготовку военные. Гражданские, естественно, довольствовались ролью зрителей. Но я все свободное время торчала у взлетной полосы и жадно впитывала каждую мелочь. Помню, как обжигало лицо снежным вихрем от винта очередного самолета, поднимавшегося в воздух на лыжах.

И вот наконец известие о подписании перемирия, завершившего войну. Что это был за день!

Фабричные гудки, пожарные сирены, свистки и крики не смолкали ни на минуту. Не ходил никакой транспорт, и в центр можно было попасть только пешком. На улицах Торонто было не протолкнуться. Автомобили едва могли проехать, а трамваи пускать даже не пытались: транспортная компания убедилась, что это безнадежная затея. Парни бегали с огромными ситами и обсыпали девушек мукой.

– Эгей, детка! Войне крышка! – Хлоп! И красавица вся белая, как снеговик. Почтенные, казалось бы, граждане водили хороводы и срывали друг с друга шляпы. И ни одного серьезного слова благодарности тем, кто жертвовал собой, среди всей этой кутерьмы не прозвучало...

Под финал моей непродолжительной медицинской карьеры я и сама угодила на больницу койку. Сказалось, видимо, что, работая по ночам, я еще и днем пыталась жить нормальной жизнью. В общем, я подцепила какой-то вирус, и он не упустил случая поселиться у меня в гайморовых пазухах (это такие хитрые кармашки внутри верхней челюсти). Последовал ряд небольших операций и довольно долгий восстановительный период. Это время я провела частью в Нортгемптоне (сестра училась там в колледже Смит), частью на озере Джордж. В «Гемпе» я окончила курсы автомехаников, благодаря которым приобрела начатки знаний по ремонту двигателей.

Но поскольку я теперь горела желанием посвятить себя медицине, то отправилась в Нью-Йорк и поступила в Колумбийский университет. Дабы приблизить свою мечту о профессии эскулапа, я засела за мудреные врачебные науки, а в качестве приятного довеска записалась на курс французской литературы. Несмотря на напряженную учебу и безденежье, моя жизнь вовсе не была лишена привычных радостей. Тем более что в Нью-Йорке студент при желании может многое себе позволить, даже если в карманах у него пусто. На галерке Карнеги-холла, поверьте, вовсе не так уж неудобно (главное – привыкнуть к запаху чеснока). Там, примостившись на ступенях, я прослушала немало хороших концертов. А парк Палисейдс на другом берегу Гудзона оказался вполне подходящим местом для спортивных походов, причем билет на паром через реку стоил всего несколько центов.

В ту пору я, судя по всему, производила впечатление весьма крепкой барышни. Как-то раз во время очередной спортивно-туристической вылазки в Палисейдс мы с подругами заглянули в небольшой магазинчик, купить себе на обед сэндвичи. Человек за прилавком, оглядев четыре наши фигуры, заключил:

– Поди ж ты, девицы-то небось прям с фермы!

На самом деле ни одна из нас на ферме отродясь не бывала, но продавец, очевидно, не привык, чтоб люди из города добровольно проводили выходные так, как мы.

Студенткой я досконально изучила секретные подземные коридоры, соединявшие университетские корпуса. Обследовала, наверное, все углы и закоулки. Я залезала на колени к позолоченной статуе, что украшает лестницу, ведущую ко входу в библиотеку, и не упускала случая взобраться на купол библиотечного здания. И не просто купол, а самый его верх.

Этот опыт пригодился мне несколько лет спустя, когда я на какое-то время вернулась в свою альма-матер. Дело было в 1925 году. Как раз ожидалось солнечное затмение, и я сообразила, что лучшей видовой точки, чем купол университетской библиотеки, не найти. И вот мы стоим там с одним известным биологом и глядим на трубящего архангела на крыше собора Иоанна Богослова. В тот час, пожалуй, никто в мире, кроме нас троих, не любовался плясками лунной тени с такого выгодного ракурса.

Еще одно солнечное затмение в своей жизни я наблюдала с воздуха, в 1924 году. Эта удивительная космическая ночь настигла меня, когда я летела над калифорнийским побережьем близ острова Санта-Каталина.

Что до моего умения ориентироваться в упомянутом подземном лабиринте, то оно пока остается невостребованным. Впрочем, это справедливо почти для всего, чему мы учимся в университете.

Мне хватило нескольких месяцев, чтобы осознать: идеальный врач из меня вряд ли получится. Изучать медицину, особенно экспериментальную, было интересно, но рисовавшиеся в уме картины практического врачевания вгоняли меня в тоску. Например, я представляла, как сижу у постели ипохондрика и прописываю безобидные сахарные пустышки.

«Принимайте вот эти таблетки, – слышала я свой профессиональный голос, – и боль в колене перестанет вас беспокоить».

Меня коробило от нелепости и фальши этой воображаемой терапии. Тогда я не понимала, что исцелить человека, который страдает душевно, – задача не менее трудная, чем вылечить телесный недуг, пусть даже методы при этом используются разные.

Но в молодости мы склонны принимать судьбоносные решения по мотивам, которые впоследствии могут показаться не более чем прихотью. Так вот и я в какой-то момент оставила помыслы о докторском халате и, поддавшись уговорам родителей, перебралась к ним в Калифорнию.

Уезжая из Нью-Йорка, я, правда, не думала расставаться с медициной как таковой: чистая наука меня по-прежнему привлекала. Однако завязать отношения с университетами западных штатов я не успела. Авиация захватила меня раньше. Пробудившийся в Торонто интерес взял свое, и вскоре я уже не пропускала ни одного выступления виртуозов небесной акробатики в Лос-Анджелесе и окрестностях. С собой я таскала папу и с его помощью пыталась как можно больше разузнать о полетах. И с каждым днем мне становилось все интересней.

Однажды мы отправились на авиационный праздник в Лонг-Бич.

– Пап, а ты не мог бы узнать вон у того офицера, сколько времени занимает летная подготовка? – спросила я, показывая на молоденького пилота в военной форме.

– Насколько я понял, общего для всех правила нет, – доложил мой дорогой родитель, после того как навел справки. – Но похоже, что в среднем от пяти до десяти часов.

– А спроси, пожалуйста, сколько стоят уроки, – не унималась я.

– Говорят, тысячу долларов. Но к чему тебе все это?

Я и сама толком не знала. Но упорно продолжала изводить несчастных летчиков такими вот расспросами через посредника. Нутром я уже чувствовала: мой первый полет не за горами.

Впервые в жизни я поднялась в воздух с летного поля в одном из предместий Лос-Анджелеса. Собственно, то был обыкновенный пустырь на бульваре Уилшир, затерянный среди нефтяных скважин. Катавший меня пилот с тех пор прославился как один из величайших деятелей скоростной авиации. Зовут его Фрэнк Хоукс, и по числу рекордов скорости он не уступает никому в мире.

Едва мы оторвались от земли, я поняла, что сама должна летать. Вдалеке я увидела океан, а вершины Голливудских холмов, точно старые знакомые, подмигивали мне через борт кабины.

– Знаете, я тут подумала... Мне хотелось бы научиться летать, – как бы невзначай сообщила я домашним в тот вечер. Я прекрасно знала, что просто умру, если мое желание не исполнится.

– Почему бы и нет, – отозвался папа, вторя моему непринужденному тону. – Когда ты намерена приступить?

Я сказала, что дам ему знать, как только уточню кое-какие детали. Мама тоже как будто не возражала.

Полноценных авиашкол в то время не существовало; обучением чаще всего занимались летчики-фронтовики. Уже через несколько дней я записалась на уроки и, явившись домой, предложила родителям их оплатить.

– Так ты что же, всерьез? – удивился отец. – Я-то думал, ты говорила чисто гипотетически. Мы не можем себе позволить такие траты.

Мне стало ясно: может, до того папа и считал мою затею удачной, но сейчас, когда дошло до дела, уже не готов ее поддержать. Он явно решил, что я тут же выкину эту мысль из головы, если мне не дадут денег. Но я была настроена решительно – и вскоре, ради возможности платить за вожаденные уроки, нашла первую в своей жизни работу: устроилась в телефонную компанию.

Дома я теперь почти не бывала. Всю неделю работала, а по выходным пропадала на загородном аэродроме. На дорогу уходило больше часа: сперва до конечной остановки на трамвае, затем несколько миль пешком по пыльному шоссе. В те годы брюки и кожаные пальто были самой удобной одеждой для женщин. Аэродромы чистотой не отличались, да и в кабину забираться было неудобно. Так что летчики из практических соображений предпочитали полувоенную одежду. И я, чтобы не слишком выделяться, взяла на вооружение тот же стиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.